

Как это было
УДК929-82-96

ВОСПОМИНАНИЕ – РОД ВСТРЕЧИ (Д.Х. ДЖЕБРАН)

Е.С.Овсянкина

ФГБУ «Центральный НИИ туберкулёза» РАМН, Москва

MEMORIES ARE A KIND OF RENDEZVOUS (D.H. JERBRAN)

E.S. Ovsyankina

Central TB Research Institute, Russian Academy of Medical sciences, Moscow, Russian Federation

Мы часто возвращаемся в прошлое, особенно тогда, когда это прошлое помогло нам состояться и в личной, и в профессиональной жизни через реальное восприятие социальных проблем людей из глубинки в большой, как казалось богатой стране. Это не отчёт о работе, которая, в конечном счёте, была очень эффективной, мы получили признание и местных коллег, и населения. Это скорее жизнеописание того времени, человеческих взаимоотношений, той ситуации, когда хотелось работать, делать добро, познавать незнакомые стороны жизни и профессии. Я вспоминаю наши экспедиционные выезды в Денгизский район Гурьевской (ныне Атырауской) области Казахстана. Было это в конце 80-х годов уже прошлого столетия, когда все мы ещё жили в едином государстве – СССР. Там, именно там, туберкулёз воочию вошёл в моё сознание, как заболевание, связанное с социальными проблемами. Центральный НИИ туберкулёза РАМН курировал все союзные республики по вопросам туберкулёза, в том числе и Казахстан. Экспедиционные выезды были в то время одной из форм реальной специализированной помощи регионам с тяжёлой ситуацией по туберкулёзу. В состав бригады входили разные специалисты: врачи и научные сотрудники клинических и лабораторных подразделений института.

Возглавляла организацию работы экспедиций в этот район профессор Иванова Елена Семёновна. Успех этой работы во многом зависел от неё, так как ей удавалось повернуть лицом к проблеме туберкулёза исполнительную власть, создать условия для работы экспедиций и жёстко контролировать выполнение рекомендаций специалистов института в межэкспедиционное время. Предстояло работать в течение 5 лет по 2 экспедиционных выезда на 1-1,5 месяца в год. Первую экспедиционную бригаду возглавил старший научный сотрудник орготдела института, кандидат медицинских наук Нефёдов Б.А. Нас было 8 человек: руководитель экспедиций, руководитель бригады, терапевт, фтизиатр педиатр, врач микробиолог, врач рентгенолог,

рентген лаборант, лаборант микробиологической лаборатории. Ехали мы на 1,5 месяца, не представляя, что нас ждёт впереди. Проблемы начались при посадке в поезд. Нас отказались впускать в вагон с большими ящиками, наполненными реактивами и средами для микробиологических исследований. Пришлось долго уговаривать начальника поезда, объясняя ему, что мы едем работать, а не отдыхать. В поезде заняли 2 купе, в одном из которых проход был занят этими ящиками. 36 часов поездки прошли незаметно, поезд прибыл на станцию Ганюшкино глубокой ночью, за 2 минуты стоянки успели разгрузиться с помощью встречающих нас местных коллег. Жить нам предстояло в местном пансионате, который в то время частично ремонтировался. В плане бытовых условий это была самая обустроенная экспедиция: и вода, и цивилизованные санитарно-технические условия, и готовая еда. Но это была и самая тяжёлая экспедиция. Необходимо было сделать всё, чтобы люди поняли, что мы приехали к ним не с инспекторским визитом, а работать вместе с ними, помогать им реально бороться с туберкулёзом. И самое главное, что это - не разовая акция, а работа, рассчитанная как минимум на 5 лет. Адаптация была не простой. Цивилизованный быт остался дома. Надо было учиться жить и работать в новых условиях и с новыми людьми.

Денгизский район Атырауской области Казахстана был одним из самых больших и самых сложных по социальным проблемам, которые во многом были обусловлены географическими особенностями региона (степи, полупустыни) и, соответственно, тяжёлыми бытовыми условиями людей, проживающих на этой территории. Отдалённые фермы, саманные жилища, бездорожье, отсутствие очистных сооружений, а в некоторых совхозах, расположенных в полупустыне (Суюндук, Балкудук), привозная вода – это та действительность, с которой мы столкнулись, работая в экспедициях в этом районе.

В тоже время было то очаровывающее величие природы, которое как живая фотография хранится в памяти и сейчас. Это ночная степь, когда в свете

автомобильных фар пасущиеся коровы и зайцы, перебегающие дорогу, казались ожившими серебряными статуями. Это верблюды, которые нежились на солнце вдоль дорог. Это маленькие оазисы в полупустыне, которые с высоты птичьего полёта на «кукурузнике» казались островками жизни в огромном песчаном молчаливом море. Это и замечательная речка Шароновка в районном центре, посёлке Ганюшкино, которая в периоды нереста заполнялась рыбой, идущей с Волги, так, что ей было тесно, и она прыгала над водной гладью, сверкая днём чешуёй в лучах солнца, а ночью в лунном свете. Рыбы было столько, что женская половина нашей бригады ограничивала мужскую половину в улове. В одну из экспедиций осень выдалась очень жаркой. Мы решили искупаться в Шароновке, было ощущение, что нет свободного пространства на теле, оно всё было покрыто сколькими, копошащимися рыбами. Желания повторить купание не было.

Но самое главное – это люди. Встретили нас местные коллеги и жители приветливо и с пониманием наших задач и трудностей. Знакомство с местными жителями началось с выезда в воскресный день на Волгу. По нашей речке Шароновке, на моторных лодках нас привезли на остров, с которого открывался великолепный вид на Волгу со всем её величием, спокойствием и красотой. Хозяева получили разрешение на отлов осетра в честь нашего приезда. Рыбина была с мой рост (чуть более полутора метров). Я, да и мои коллеги, думаю, впервые попробовали настоящую уху. Сначала сварили маленькую рыбёшку, пойманную на леску с несколькими крючками (при таком обилии рыбы и удочки не нужны), а потом осетра. Да и ещё в умелых руках хозяев, действительно за 5 минут, была приготовлена чёрная икра – пятиминутка. Мы купались в высоких стогах сена, которые на этом острове выглядели, как соломенные домики, с особым ароматом экологически чистых, прелых трав, омытых волжской водой. После такого приёма этой край стал для нас ближе, роднее, понятнее. Сочетание неопишуемой красоты природы и социальные, медицинские проблемы местного населения потрясли, кажется, всех нас. Искренне захотелось помочь людям жить в гармонии с этой красивой, по-настоящему здоровой природой. Но на тот момент этой гармонии не было.

Первый визит в местный противотуберкулёзный диспансер поразил нищетой и отсутствием каких-либо элементарных санитарно-гигиенических условий, как

для персонала, так и для населения. Старое, убогое здание, куда в одном потоке, по одному коридору шли и здоровые, и больные, и взрослые, и дети. Мимо кабинета главного врача, в самый конец здания, несли на исследование мокроту в так называемую микробиологическую лабораторию. Нашему врачу микробиологу Пузанову В.А. пришлось заново создавать там эту службу. А коридорная система с его подачи сослужила добрую службу. Когда в материале, взятом со стола главного врача, выросли туберкулёзные палочки (пусть это останется тайной – со стола или из другого места), было запланировано строительство нового диспансера и разделён поток взрослых и детей. Уже через год в райцентре был новый противотуберкулёзный диспансер с разными входами для взрослых, детей и в лабораторию. Это был первый, самый значимый вклад нашей бригады в противотуберкулёзную помощь населению района.

До появления нового диспансера приёмы детей были организованы в другом здании в помещении бывшего флюорографического кабинета. Педиатр фтизиатр Арстаналиев А.У., со стажем работы 2-3 года после окончания института, поразил меня своим опытом и знаниями. Действительно, в трудностях специалистами становятся быстрее. Он прекрасно владел методиками диагностики туберкулёза у детей, включая плевральную и спинномозговую пункции. Он хорошо знал диспансерную работу. Меня поразило, что, работая в глубинке, молодые специалисты, не только фтизиатр, но и педиатры местной больницы были грамотными, успешными врачами, самосовершенствовались, имея хорошие личные медицинские библиотеки. Родители доверяли их мнению. Сейчас, спустя много лет, могу признаться, что мы учились друг у друга, несмотря на то, что мой опыт работы был больше и за плечами, была уже кандидатская диссертация, готовилась докторская, но всё это – в условиях хорошо оснащённой клиники. Я, как врач-клиницист, прежде всего, училась в экспедициях организационной и диспансерной работе практически в экстремальных условиях. До сих пор с благодарностью вспоминаю то время, которое дало мне опыт этой работы во фтизиатрии не по учебникам, а в реальной, наполненной проблемами противотуберкулёзной помощи населению, жизни.

Моя работа состояла в том, что каждый день был приём детей, проводилась постановка туберкулиновых проб безыгольным инъектором в школах, детских садах и на фермах, формировались группы риска,

проводилось углублённое обследование для выявления туберкулёза. Отбирались больные для лечения в детско-подростковой клинике нашего института. В течение нескольких лет, пока проводились экспедиции, в детско-подростковой клинике института более трети больных были из Казахстана и, прежде всего, из Денгизского района Атырауской области. Сначала было непросто уговорить родителей отправить ребёнка на лечение в Москву, так как у этого народа большая привязанность детей к родственникам и родителей к детям. Отношение к туберкулёзу было как к наследственному заболеванию, а не как к инфекции. Люди плохо себе представляли, что причина такой высокой заболеваемости туберкулёзом, не в генетике, а в социальных проблемах и менталитете, ориентированном на почитание родственных связей, сочувствии больным. Семьи, как правило, большие, все поколения проживают вместе. Уважение к пожилым людям, старикам, даже если они больны туберкулёзом, не позволяет разлучать их с детьми, «проявлять неуважение» в виде отказа от общения с ними. Поэтому это один из главных факторов распространения инфекции - передача её от взрослых к детям. Со временем, когда родители убедились, что лечение в Москве эффективно, проблем с госпитализацией в клинику института не стало.

День начинался с приёма в диспансере. Незабываемая картина. Иду утром на приём, а на пригорке, рядом с диспансером, на корточках сидят в ожидании родители с детьми, словно птички, свившие себе временное гнёздышко. Во второй половине дня пригорок постепенно пустел, а на следующий день начиналось всё сначала. Больных в районе было много, складывалось впечатление, что практически все люди в том или ином возрасте заболели туберкулёзом. Среди детей и подростков тоже было много случаев туберкулёза. Во время первых выездов надо было настраивать себя на то, что это реальность, ведь в Москве в те годы туберкулёз у детей, да и у подростков был редкостью, тем более - тяжёлый. Трудно было себе поверить, что у 3-летнего ма-лыша кальцинация по типу «тутовой ягоды», или у 7-летнего ребёнка - долевого пневмофиброза, как исход бронхолёгочного поражения, у подростка - распространенный инфильтративный туберкулёз с распадом и бактериовыделением. Таких случаев было много.

Туберкулинодиагностику приходилось проводить самой, чтобы оценить качество противотуберкулёз-

ной помощи детям. В то время можно было работать безыгольным инъектором, и поэтому пропускная способность была высокой. За один выезд можно было сделать 500 проб при отличном качестве их постановки. Самое главное было правильно настроить инъектор накануне поездки. Проверку проводила на своих руках физиологическим раствором, поэтому носила одежду с длинным рукавом, чтобы не было немого вопроса - отчего эти следы? Дети впервые видели это чудо - инъектор, который называли пистолетом, некоторые очень боялись, поэтому выбирались для рекламы самые смелые, а дальше проблем уже не было. Изматывала не столько работа по постановке проб, сколько дорога. До некоторых населенных пунктов, ферм надо было добираться по 2-3 часа по пескам и барханам, некоторые фермы были доступны для визита только в хорошую погоду. Как бы не закрывалась машина, скрип песка на зубах к концу дня был обязательно, и щеки становились как тёрка. Но сейчас это вспоминается как самое романтическое время, да и жалеть себя было некогда.

Каждая экспедиция прибавляла авторитет нашей бригаде, так как люди ощущали реальную помощь. Состав бригады менялся, пожалуй, только я, не пропустила ни одной экспедиции.

Трудной была третья по счёту экспедиция, так как жили в том же пансионате, но в это время там был ремонт, и пригодных для жизни помещений практически не было. С потолка сыпалась штукатурка. Электрическая плитка, на которой мы готовили, работала на малой мощности. Однако еду решили готовить сами после пробы снятой с привезённых нам обедов в вёдрах. Договорились, что продукты будем брать на базе и сами готовить. В нашей бригаде было 5 человек: 4 мужчины и я. Распределили обязанности. Врач-рентгенолог Е.Н. Дженжера выбирал продукты на базе, остальные (бригадир Нефёдов Б.А, терапевт Адамович Н.В. и врач организатор Шейман В.) по очереди утром варили кофе и делали бутерброды на завтрак. Е.Н. Дженжера, как профессиональный рыбак и охотник, умело выбирал продукты на базе. Щука всегда была с икрой, которую он сам солил. Сазан свежий - на котлеты. Мясной бульон из отличного мяса. В общем, жили, не тужили, и даже не похудели.

В мои обязанности входило приготовление обедов. Дело это было не простое, если учесть, что электрическая плитка работала плохо. Мясной бульон варился всю ночь. Я так и засыпала и просыпалась под аромат варёного мяса. Утром надо было успеть сварить кашу,

вымыть посуду и вместе со всеми отправиться в очередную поездку по району.

Проблем было много, начиная с воды, которую брали прямо в речке Шароновке, без всякой очистки, как делали все местные жители (очистных сооружений не было). Даже для питья воду приходилось кипятить несколько раз, так как после первого кипячения отстой составлял, наверное, пятую часть трёхлитровой банки. Каждый раз, когда сливала отстой, у меня было одно желание и одна просьба, чтобы Господь уберёт нас от инфекций. Ведь в этом районе всегда было много случаев кишечной инфекции и гепатита. Ответственность за здоровье, моё и коллег, лежала в той экспедиции на мне, как на главном поваре. Может быть поэтому, я каждое утро, оценивала ситуацию по внешнему виду ребят (так я называла молодых людей из нашей бригады) и по скорости их посещения санитарного узла.

Несмотря на сложности быта, эта экспедиция была самой спокойной в психологическом и эмоциональном плане. Помогали, друг другу, как могли. Не усугубляли обстановку проблемами быта и своим настроением. Так только в поезде я узнала, что ситуация, когда ребята замерли в молчании у окна, была связана с плившим по речке мёртвым верблюдом. Они боялись, что если бы я эту картину увидела, то не стала бы готовить еду, ведь воду мы брали из этой речки. Я тоже, только в поезде сказала им о том, по каким критериям я оценивала их здоровье по утрам. Но за благое дело видимо берёт нас Господь от всяких инфекций.

Начиная с третьего года работы, состав бригады стал более стабильным. Возглавил бригаду великолепный организатор и человек, доктор медицинских наук Юрий Яковлевич Фишер. Он был душой бригады – поэт, музыкант, высоко эрудированный человек. Поездка на поезде превращалась в ожидаемый праздник поэзии и музыки. С этого времени рядом всегда была гитара. Работа была налажена, поэтому вечерами было время для отдыха, да и местные коллеги оказывали нам в этом поддержку, приглашали в гости. Гостеприимство было забываемым. Всегда бешбармак, котлеты из сазана, чай с молоком и другие яства из казахской кухни. С нами всегда была гитара, на которой играл наш врач Леонид Петрович Фёдоров, а там, где было пианино, играл Юрий Яковлевич Фишер, пел песни и романсы на свои стихи, читал свои чистые и искренние стихи. К сожалению, тогда никто из нас не думал, что пройдёт время и захочется вспомнить и эти стихи, и эти песни. Надо было вести дневник, записывать всё,

в том числе стихи и песни. Вот одно из стихотворений Ю.Я. Фишера – «Бригантина». К сожалению, Юрия Яковлевича уже нет. Пусть это будет знаком доброй памяти о нём.

**При свете дневном это просто картина.
Но вот в полумраке задёрнутых штор
Над скучной стеной воспарит бригантина
И вынесет нас в океанский простор**

**Там синяя ширь и широкое небо,
Там ветра солёного можно вдохнуть.
Я в этих краях никогда ещё не был,
По суше проложен мой жизненный путь.**

**Но в каждом из нас есть частица от Грина.
И в каждом из нас, - будь ты юн или сед, -
Своя бригантина, своя бригантина
Сквозь будни несёт свой немеркнущий свет.**

Всё это снимало неимоверную усталость, накопившуюся за день от поездки по пескам, и не такой острой становилась тоска по дому, по привычному для нас быту. Очень важно, когда люди в бригаде – единая команда: и дело спорится, и время летит быстрее.

Психологической разрядкой были для нас и праздники, которые совпадали с пребыванием в экспедициях. Так, в одной из поездок совпали сразу 3 праздника. В один день мы отмечали Пасху, Новруз Байрам и день Советской науки. В этот день, а это ещё было во времена СССР, мы собрались вместе и христиане, и мусульмане, и врачи, и научные сотрудники, и наша бригада в полном составе, и наши местные коллеги, как одна семья в районной гостинице посёлка Ганюшкино. Мы с врачом нашей бригады. Людмилой Николаевной Рыбкой, пекли блины, чтобы хватило на всех, завели целое ведро теста. Наши местные коллеги принесли красивые куличи, лепёшки, чёрную икру, отварную севрюгу. Когда накрыли стол, то сами удивились, насколько он был богатый и красивый. А потом поехали в степь и наслаждались красивым мусульманским праздником – Новруз Байрам. Было массовое гулянье, катание на лошадях по степи, состязания поэтов, певцов. Действительно оба эти праздника – Пасха и Новруз Байрам - символы доброты и святости.

Я упомянула, что праздник мы проводили в гостинице. Название мощное, но на самом деле это был двухэтажный дом с четырьмя большими

комнатами для жильцов, на каждом этаже по раковине с краном для холодной воды, где можно было умыться и вымыть посуду, а все остальные удобства – на улице в деревянном домике с двумя «очками». Была ещё кухня, где можно было приготовить завтрак и ужин, обеды или перекус были в диспансере или в столовой там, куда мы выезжали.

Баня тоже была проблемой, так как местная не устраивала нас по санитарным нормам, то мы изобрели свою, которую назвали «баня по Ганюшкински». Банная процедура проводилась ночью, под звёздным небом и лунным светом в парке около гостиницы независимо от погоды и температуры окружающей среды. В парке были арыки для полива деревьев, и шум воды в них в ночной тишине сначала испугал нас – казалось, что кто-то бродит, говорит и подглядывает за нами, как привидение. Но утром мы поняли, откуда берётся этот шум, и смеялись над собой за этот детский страх. Для бани мы брали два ведра воды (одно с холодной, другое - с горячей), расстилали полиэтиленовую плёнку на земле и поливали друг друга водой из вёдер, радость от чистоты тела была несравнимо больше, чем сами проблемы, связанные с её приобретением.

После праздников снова начинались трудовые будни. На некоторые фермы можно было попасть только на «Волге» - так мы назвали местное изобретение – переделанный для поездок по степи и пескам старый передвижной флюорограф. Проходимость его была хорошая по бездорожью степей и песков, но прыгали мы на самодельных сиденьях иногда до потолка, или перемещались, как в тренажере для космонавтов, от одной стенки машины до другой, едва сохраняя равновесие. Расстояние от кузова до кабины машины было большое, поэтому водитель не всегда слышал стук в стенку, что означало просьбу остановить машину. Однажды, местный врач, чтобы остановить машину, открыл дверь машины и стал кричать водителю. В это время песок полетел в машину, как в трубу. В одно мгновение все наши вещи и мы покрылись песком. Отмыться было невозможно, так как в том совхозе, куда мы ехали, была привозная вода. В течение нескольких дней, пока мы не приехали в райцентр и не приняли баню «по Ганюшкински», песок сыпался из нас отовсюду, особенно, когда причёсывались, лился песочный дождь, белые полотенца после умывания становились песочного цвета. В голове крутилась одна и та же мысль, как в таких условиях люди могут жить, растить детей. Многие из них, прожив жизнь,

даже не представляли, что есть другие условия быта, другие возможности проведения свободного времени (театры, кинотеатры, выставки, парки и т.д.).

Может быть, поэтому этот народ очень музыкальный. Ведь песни, музыка – это та форма общения людей, которая не требует залов, а вдохновение - оно всегда рядом, если любишь свой народ, свой дом, край, в котором родился. А эта любовь, несмотря на все очевидные трудности жизни, с рождения живёт в казахском народе. Посещая школы, я всегда удивлялась, как дети хорошо знают историю своего народа, традиции, песни, поэзию, танцы. Даже в маленьких школах можно было услышать стихи Абая, услышать казахские песни, увидеть национальные танцы. В школе изучались два языка: казахский и русский. Удивляло отличное владение русским языком, особенно детей в старших классах и взрослых. Наши попытки учить казахский язык успехом не увенчались, он для нас оказался очень сложным. Попытки произнести какие-то фразы смешили ребятишек до слёз. Один раз вместо «одевайся» после осмотра, я сказала на казахском «раздевайся», и в глазах малышки заиграли смешинки, ведь всё, что можно, было уже снято! Поэтому я с восторгом смотрела на детей, которые уже в маленьком возрасте свободно владели двумя языками (казахским и русским) и, в определённых ситуациях, просила их быть переводчиками.

Конец 80-х – это годы дефицита. А в Казахстане, особенно в райцентрах, можно было кое-что приобрести. Прежде всего, это классическая литература в хороших изданиях, которую в Москве можно было приобрести только по подписке и то, надо было иметь знакомых на почте, или в издательствах. Наши домашние библиотеки хорошо пополнились за годы экспедиций. Для дома и, конечно же, на память о Казахстане везли одеяла из натуральной верблюжьей шерсти и красивой атласной ткани с казахским орнаментом. Эти книги и вещи и сейчас напоминают мне о том времени.

Провожали нас всегда с надеждой на наше возвращение и новую встречу. Пять лет прошли быстро. Самое главное, что мы ощущали все эти годы свою необходимость, значимость своей профессии для людей этой глубинки. Общение с коллегами продолжалось ещё несколько лет по переписке, даже после распада СССР. Даже сейчас случайные встречи на международных конференциях возвращают нас в те годы. Да и воспоминания нет-нет, да и напоминают о

том времени. и покажется, что это было не со мной. Остались только самые светлые, самые приятные воспоминания. Проблемы вспоминаются сейчас с юмором, хотя в то время некоторые моменты жизни в экспедиции были тяжёлыми и в физическом, и моральном плане. Воспоминания - это действительно род встречи, встречи с прошлым, которое, к сожалению, несмотря на все трудности, уже никогда не вернётся в днях наполненных романтикой, встречами с новыми людьми и пользой от своего труда. Мои ощущения о воспоминаниях в этих строчках...

**Возвращаюсь в прошлое с тревогой.
В нём всё иным мне кажется, что было.
Мелочью вдруг стали все проблемы,
Я не вспоминаю их, забыла.**

**Только боль чужая не утихла,
Стали ближе мне родные и друзья.
Я из прошлой жизни, но другая.
Жизнь уроки мне свои дала...**

**Поняла я, что мы все едины.
Главное богатство – человек.
Трудности всегда преодолимы,
Если ты настроен на успех.**

**Если для тебя пустыня, степи
Тот оазис, где легко дышать,
Только потому, что здесь ты нужен –
Это счастье, это благодать!**